

6. Наративні психотехнології / Н. В. Чепелева, М. Л. Смульсон, О. М. Шиловська, Ф. Ю. Гуцол ; заг. ред. Н. В. Чепелевої. – К. : Главник, 2007. – 146 с.
7. Титаренко Т. М. Наративні практики організації особистісного майбутнього / Т. М. Титаренко // Наукові студії із соціальної та політичної психології : зб. статей. – К. : Міленіум, 2009. – Вип. 22 (25). – С. 11–18.
8. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2004. – № 6–7. – С. 56–74.

© Уніат Н. М.

ЖИЗНЬ КАК ТЕКСТУАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ: ИРОНИЯ, ИГРА, СЕТЬ

Е. О. Черемных

Проблематизовано питання про пояснення процесу життє-конструювання в межах категорії автонаративу. Показано обмеження, що накладає цей підхід. Запропоновано інтерпретацію персональної ідентичності як самоконфігурування текстуальної конструкції в процесі життєвого пошуку. Визначено попередній перелік можливих вимірів аналізу конкретних фрагментів Я-тексту.

Ключові слова: персональна ідентичність, автонаратив, текст, текстуальна конструкція.

Проблематизирован вопрос об объяснении процесса жизнеконструирования посредством категории автонарратива. Показаны ограничения, накладываемые подобным подходом. Предложена интерпретация персональной идентичности как самоконфигурирования текстуальной конструкции в процессе жизненного поиска. Предварительно определены возможные измерения анализа конкретных фрагментов Я-текста.

Ключевые слова: персональная идентичность, автонарратив, текст, текстуальная конструкция.

The problem of treating of life-constructing process in the frame of autnarrative concept is discussed. Principal shortcomings of such approach are revealed. Personal identity is interpreted as an autoconfiguring of textual construction in the process of life-search. Possible dimensions of analysis of life-text fragment are proposed.

Key words: personal identity, self-narrative, text, textual construction.

Проблема. Приступая к работе над данной статьей, прежде всего отметим, что она является попыткой подобраться к новой теме исследования. Представленный текст не фиксирует результаты и выводы, а является, скорее, анонсом, заявкой, предлагает основные векторы размышлений. “Текстуальная конструкция” своим появлением в нашем категориальном поле обязана последовательным трансформациям в понимании механизмов протекания персональной идентичности. Продолжая работать над объяснением нарративной идентичности в концептуальных рамках открытого и закрытого текста [5], мы все больше склоняемся к мысли о том, что в случае, если не происходит замыкание и сжимание жизненного пространства из-за подчинения его готовому текстуальному конструкту, речь идет уже не о нарративе, а о какой-то другой форме разворачивания текста. Понятие нарратива обязательно отсылает к связности и завершенности текста, что обуславливает его суггестивное давление и приводит к противоречию с определяющими признаками открытого Я-текста. Кроме того, в силу множественности интерпретаций самого термина “автонарратив” (от нарративного рассказа до нарративной структуры) последний не обеспечивает достаточного для нашего исследования разграничения искомого и знакомого – не позволяет артикулировать актуальный предмет поиска.

Соответственно, данная статья *нацелена* на оформление в научном языке наметившегося кризиса прочтения проблемы персональной идентичности в интерпретационных рамках, задаваемых категорией автонарратива.

Напомним, что основным результатом предыдущего этапа исследования стала дифференциация открытого и закрытого Я-текстов в качестве альтернативных моделей персональной идентичности [5]. Открытый Я-текст был определен как заданный в своей организации обращенностью на “идеального читателя”, как семантико-прагматическое производное от последнего. Идеальный читатель, в свою очередь, трактовался как спроецированное вовне актуальное множество доступных автору культурных кодов, максимум интерпретационных возможностей. Соответствующая модель идентичности предполагает со-акт поиска или диалог. В ее рамках жизнеконструирование предстает как “вслушивание в возможность”, когда фиксация Я в нарративе (“говoreние о себе”) уступает место постижению возможного неизвестного, не принадлежащего Я и ненарративизируемого. Было выдвинуто предположение об определяющей роли для конструирования открытого Я-текста усилия

по преодолению суггестивного давления атонарратива и выхода за его рамки. Во главе угла тут оказывается не рассказ как некий конечный продукт, а непосредственно текстоконструирование, сама возможность очередного начала такой практики, принципиальная открытость ей.

В поисках языкового инструмента, схватывающего соответствующее смещение исследовательского фокуса, мы вышли на две оппозиции, которые отражены в названии данной статьи. Первая из них может быть определена как “произведение – текст” (здесь мы будем говорить языком Ролана Барта [1]), а вторая – как “произведение – конструкция” (при описании данной оппозиции мы будем опираться на категории “Интертекстуальности” и “Энциклопедии” Умберто Эко [6; 7]). Эвристический потенциал рассмотрения персональной идентичности в рамках этих оппозиций и представляет для нас непосредственный интерес.

“Произведение – текст”. Трактую автонарратив как *рассказ* о себе, мы в первую очередь подразумеваем малую форму литературного *произведения*, обладающую своей целостностью и границами. Барт определяет произведение как “нечто исчислимое”, как “вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства”. “Произведение наглядно, зримо”, оно “может неподвижно застыть на книжной полке” [1, с. 415]. Приведенные характеристики указывают на субстанциональность произведения, его константность, статичность и пространственную ограниченность. Произведение замкнуто, оно функционирует как *знак* и сводится к определенному означаемому.

Проецируя понимание произведения как знака в контекст персональной идентичности, можно сказать, что автонарратив (в значении рассказа о себе) есть не чем иным, как произнесенным вслух длинным *именем* своего автора, призванным *обозначить* и зафиксировать его, очертить его границы. Принципиальной тут является претензия человека на владение таким знанием о своей жизни, которое можно изложить в рассказе – знанием полным и завершенным. Целостность подобного рассказа рождает иллюзии правдоподобия и соответствия себе. Его создатель претендует на оригинальность и, главное, на авторство – “порождение линейной цепочки слов, выражающих единственный, как бы теологический, смысл (“сообщение” Автора-Бога)” [4, с. 374]. Автор – это фигура субъективного владения дискурсом, претензия на то, чтобы задать дискурс. Автор говорит/ пишет и желает быть прочитанным, сотворяет смысл и мир для своих читателей, т.е. предлагает себя в качестве объекта постижения. В то же время, будучи одним из своих читателей,

человек, полагающий себя автором, сам претерпевает убеждающее воздействие повествовательной линии текста и оказывается ограниченным необходимостью ему соответствовать. При этом обращение на себя как на объект постижения, заданный завершённым текстуальным конструктом, приводит к слиянию фигур автора и читателя и исключает возможность диалогического со-поиска. Замыкая текст собственной жизни на себе, нарратор фактически лишает себя возможности пережить расширение жизненного пространства, а, соответственно, и собственное присутствие, осмысленность жизни.

В отличие от произведения *текст*, в бартовском его понимании, является полем методологических операций, он ощущается только в процессе работы, производства и не может неподвижно застыть. Текст делает проблематичной всякую классификацию, пытается стать именно запредельным по отношению к доксе, и в этом смысле он всегда парадоксален [1]. Наиболее важным для обсуждаемой аналогии является бесконечное откладывание в тексте означаемого на будущее, что делает текст принципиально вторичной смыслу, автономной, самодвижущейся *игрой* – метонимией, смещением, наложением, варьированием. Согласно Барту, текст *соткан* из означающих, образующих пространственную многолинейность (сеть), из множества деталей – цитат, отзвуков, фрагментов языка культуры – наполовину опознаваемых, отсылающих к знакомым кодам, но случайным образом складывающихся в уникальную конфигурацию при чтении. Текст есть стереофонией культурных кодов, не имеющей автора, источника и порождающей его силы. Он образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек [там же].

Метафора “цитаты без кавычек”, равно как и фигура скриптора (“пишущего” – “конфигурирующего”, “обыгрывающего” элементы сети или ткани текста), в отличие от автора (“порождающего” и “сотворяющего”, отца и хозяина произведения), обеспечивают главный вывод, который можно сделать о тексте: *текст не может быть написан – он побочный результат чтения текста*. Скриптор “рождается одновременно с текстом и у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот *субъект*, по отношению к которому его книга была бы *предикатом*” (курсив мой. – Е. Ч.) [2, с. 387]. Иными словами, скриптор – это читатель – *случайная конфигурация* ассоциаций, взаимосцеплений, переносов, происходящая в *текстуальной практике*. В таком случае письмо есть чтение есть игра с текстом. И, как отмечает Барт, читатель играет дважды –

играет с конструктором текста и играет текст – проигрывает его как соавтор, предлагая его прочтение.

Таким образом, можем зафиксировать принципиальное отличие концептов автонарратива и текста как инструментов объяснения персональной идентичности. “Автонарратив” указывает на Я как автора, пишущего произведение – хозяина и творца собственной жизни, тогда как введение “текста” предполагает модель жизнеконструирования, в рамках которой Я – это читатель (и как следствие – соавтор) текста культуры. Я не творит собственную жизнь, оно постигает (переживает) жизнь как таковую и конфигурируется лишь в процессе постижения как непровольный его результат. Иными словами: Я обретает себя и переживает себя живым, лишь двигаясь в метасистеме культурных смыслов.

Как видим, данное прочтение идентичности очень близко к концепту открытого Я-текста, как мы его определили ранее. В его рамках предполагается, что семантическая целостность Я *происходит (конфигурируется)* вследствие направленности интерпретационных возможностей на неизвестность, их расширяющую. Я есть интерпретационная конфигурация в действии, в связи с чем глагол, которым, по мнению Дейвиса, является личность [8], может быть определен как глагол “читать”. Жизнеконструирование, таким образом, предстает не как целенаправленная практика структурирования имеющегося опыта, но как варьирование конфигурации-отклика в процессе постижения и переживания фрагмента текста культуры, опыту не принадлежащего.

Данный разворот проблемы, на наш взгляд, предоставляет широкое поле для дискуссий. Проблематизированными оказываются категории субъекта, самоосуществления, житнетворчества, жизненного сценария и, собственно, личности. Однако в рамках нашего исследования он важен в связи тем, что именно в точке понимания письма как чтения мы вплотную подходим к категории *конструкции*, сменившей понятие произведения в свете презумпции смерти автора.

Произведение – конструкция. “Конструкция” как понятие частично перекрывается с “текстом”, как мы его определили выше (как перекрывается оно с “интертекстуальностью”, “коллажом”, “пастишем”, “симулякром”). Конструкция полагается как подвижная мозаика принципиально вторичных дискретных элементов, перманентно изменяющих свою конфигурацию друг относительно друга [4; с. 374]. Однако если под текстом мы подразумеваем как текст культуры в целом (дискурс), так и его фрагмент (конкретную

конфигурацию), актуально выхваченный скриптором, то конструкция, скорее, будет указывать только на последнее трактование текста. Будучи отглагольной языковой формой, “конструкция” в гораздо большей мере, нежели “текст”, позволяет реконтекстуализировать практику чтения в контекст жизнеконструирования и отсылает к искомой фигуре читателя, что, в свою очередь, приближает нас к возможности эмпирического их исследования.

Наиболее очевидным возможным измерением анализа является *богатство интерпретационного кода*. Представляя собой коллаж явных или скрытых цитат и допуская различные варианты собственного прочтения, конструкция порождает вопрос о глубине представленности содержания каждой цитаты в восприятии читателя, слушателя, зрителя – т. е., словами Эко, вопрос об энциклопедической компетентности читателя [4, с. 374]. Этот вопрос является одним из определяющих для понимания переживания персональной идентичности как текстуальной игры. Практика конфигурирования текста (чтение) предполагает определенное множество культурных содержаний, доступных читателю, интерпретационных возможностей, в рамках которых он конфигурируется. Заставляя эти содержания двигаться, играть в свете текста, читатель косвенно переживает их присутствие, “вес”, “масштаб”, они оживают в действии и заселяют территорию его Я, пока это Я занято чтением.

Как уже было отмечено ранее [5], открытость Я-текста определяется не только богатством и обогащением элементов интерпретационного кода, но и *актуальной свободой таких элементов от жестких связей в рамках готовой семантической структуры* – их вовлеченностью в динамику жизненного поиска. Именно обращенность Я на территориально отличный от Я предмет постижения, на нечто допускаемое за рамками известного, размыкает и “распаковывает” наличные элементы опыта, позволяя им образовать конфигурацию нового события и *пережить* себя рождающейся целостностью. Только разворачиваясь как текстовая стратегия актуализации потенциального, бесконечно откладываемого на будущее смысла, Я происходит как семантическая целостность – переживает причастность к смыслу и вырывается из бессмысленности замкнутой статики.

Однако, как отмечает Можейко, оперируя элементами заданного множества цитат – конфигурируя конструкцию, избежать банальности возможно, только введя в обиход такие приемы, как *ирония и игра*, в контексте использования которых только и возможно говорить об отпечатке личности автора на его творении [4]. Эти два инструмента

предполагают метауровень осмысления скриптором ситуации текстопроизводства и представляются нам наиболее “осязаемыми” для эмпирического исследования конкретных фрагментов Я-текста. Каждый из них, будучи развернутым в тексте, позволяет избежать пафоса отождествления языковой практики с онтологической первозданностью и выводит читателя из роли автора. Ирония может быть рассмотрена как инструмент фиксации принципиальной ограниченности текстуальной практики в её попытке выписать сингулярность дотекстуального переживания (события), она обеспечивает деабсолютизацию “повествовательных линий как организующих принципов дискурса”. Игра, в свою очередь, есть признанием принципиальной произвольности любой текстуальной конструкции. В своей обращенности на манипуляции с формой игра обличает стремление власти означающего над означаемым.

И, наконец, делегируя скриптору функцию смешивания различных видов письма и сталкивания их друг с другом, мы выходим на такой пласт анализа, как способы цитирования, используемые в конкретных фрагментах текста или же типы взаимодействия текстов, типы интертекстуальности. Мы находим весьма перспективным анализ Я-текстов с точки зрения типов интертекстуальности, предложенных Жераром Женеттом [3]. Он выделяет:

1) собственно интертекстуальность как сопричастие в одном тексте двух и более различных текстов (цитата, плагиат, аллюзия и др.);

2) паратекстуальность как отношение текста к своей части (эпиграфу, заглавию, вставной новелле);

3) метатекстуальность как соотношение текста со своими предтекстами;

4) гипертекстуальность как пародийное соотношение текста с профанируемыми им иными текстами;

5) архитектурность как жанровые связи текстов.

Проекция данных типов взаимодействия текстов представляется нам чрезвычайно перспективной в свете вопроса о диалогичности Я-текста как модели персональной идентичности.

Выводы. Подводя итоги сказанного, хотелось бы отметить следующие моменты. Актуально необходимой трансформацией в подходе к исследованию персональной идентичности и конструирования жизни нам представляется смещение внимания исследователя с фигуры автора произведения на фигуру читателя текста. Принципиальное отличие концептов автонарратива и текстуальной

конструкции как инструментов объяснения персональной идентичности состоит в том, что “автонарратив” указывает на Я как автора, пишущего произведение, – хозяина и творца собственной жизни, тогда как введение “текста” предполагает модель жизнеконструирования, в рамках которой Я – это читатель (и как следствие – соавтор) текста культуры. Предварительно были определены такие возможные измерения анализа конкретных текстуальных идентификационных конструкций, как: богатство интерпретационного кода; степень актуальной свободы элементов опыта от жестких связей в рамках готовой семантической структуры; развернутость в Я-тексте иронии и игры как приемов деабсолютизации повествовательных линий; представленность в Я-тексте различных типов цитирования.

Л і т е р а т у р а

1. *Барт Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994 – С. 384–391.
2. *Барт Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – С. 413–423.
3. *Женетт Ж.* Фигуры : в 2-х т. / Ж. Женетт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
4. *Можейко М. А.* Конструкция // История философии: Энциклопедия. – Минск, 2002. – С. 374–375.
5. *Черемных Е.* Нарративная идентичность в пространстве диалога / Е. Черемных // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / за ред. Н. В. Чепелевої. – К., 2010. – Т. 2. – Вип. 6. – С. 56–65.
6. *Эко У.* Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 384 с.
7. *Эко У.* Роль читателя. Исследование по семиотике текста / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 502 с.
8. *Sermijn J.* The Narrative Construction of the Self: Selfhood as a Rhizomatic Story / J. Sermijn, P. Devlieger, G. Loots // Qualitative Inquiry. – 2008. – №14. – P. 632–650.

© Черемних К. О.